

методологическую программу, но тем не менее противостоящая первой, может быть, менее последовательно и отчетливо ориентирована на текстовую репрезентацию языка, на представление его в виде больших корпусов текстов. Актуальные воплощения той или иной конкретной информации о слове, содержащейся в таком исходном представлении (собственно, в потенциально полном наборе контекстов слова), достигаются путем построения гипертекстов. Тогда "досье" на слово выглядит как гипертекстовая структура, а упомянутые три кита современной лексикографии распределяются иным образом: полнота характеризует исходные, т.е. текстовые, данные, а максимальная параметризованность и системность становятся результатом последующей аналитической обработки этих данных с целью заданного словарного представления (статьи Г.А. Золотовой и А.Н. Баранова).

Публикуемые здесь статьи, как и другие прозвучавшие на конференции доклады продемонстрировали, что наметившаяся в лингвистике последних десятилетий тенденция к лексикографической параметризации языка получила дополнительный импульс с развитием компьютерной лексикографии. Имя выдающегося ученого русской лингвистической школы Степана Григорьевича Бархударова, так много сделавшего для развития русской лексикографии, объединило в рамках конференции самые разнообразные идеи и проекты, работа над которыми является условием и одновременно результатом прогресса как теоретической лингвистической мысли, так и практического отечественного словостроения.

Ю.Н. Караулов

© 1994 г. Г.А. ЗОЛотова

О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Взаимодействие лексики и грамматики – не только основа функционирования языковых единиц, это и путь движения лингвистики: развитие грамматических идей делает возможным и неизбежным дальнейшие шаги в лексикографии, и, наоборот, успехи словарного дела стимулируют грамматику и предъявляют к ней свои требования.

Такое "челночное движение" наблюдаем в наше время и в плодотворном взаимодействии семантики на грамматические теории и в обогащении лексикографических представлений слова грамматическими сведениями [1–14].

Дискуссии о соотношении семантики и синтаксиса отражают трудности грамматических концепций, поиски непривычных способов описания (или сопротивление им), но это не проблемы грамматики как языкового строя: строй языка органично стоит на этом взаимодействии.

Попробуем поглубже вникнуть в смысл ставшего привычным словосочетания "взаимодействие лексики и грамматики", оценить меру постижения этого языкового феномена обеими заинтересованными сторонами, лексическим и грамматическим учением.

Традиционное назначение словаря – определить значение слова, его "лица необщее выраженье", его отличие от других слов и, следовательно, место среди других единиц своего, лексемного, уровня. Иными словами, установка словаря – на детальную дифференциацию лексем. Опыты рассуждений о системе в лексике также устремлены были к поискам и обоснованиям тех или иных способов группировки лексем по смысловым сходствам и различиям ("лексические поля", "лексико-семантические группы", "тематические группы", "предметные группы", синонимические ряды, омонимы и антонимы и др.).

Самым значительным шагом в словарной систематизации лексики была концепция, разработанная в 60-70 годы И. Мельчуком, А. Жолковским и Ю. Апресяном и фрагментарно осуществленная в венском издании "Толково-Комбинаторного Словаря русского языка" [15]. Аппарат так называемых лексических функций позволил

выявить во множестве слов регулярные семантические элементы, организующие их значения и связи. Через тот или иной набор функций достигается единообразное, формализованное описание значения слова, в его и стандартных, типовых, и идиоматичных компонентах. Смело перешагивая через традиционные границы "уровней", авторы неожиданно, но убедительно объединяют в "лексических функциях" явления и словообразования, и лексико-семантических отношений, и фразеологических связей, и синтаксических функций, и субъективно-оценочных характеристик. Вся эта многообразная информация работает на слово. Довольствуясь весьма схематичными синтаксическими представлениями того времени и не ставя, естественно, задач извлечения и обобщения нового грамматического знания из своего материала, Словарь остается благодарным источником для подобных целей.

Грамматическая информация, сведения о "сочетаемости", о "валентностях" даже при расширении ее источников до "коммуникативных" сфер темо-рематического членения, порядка слов, модусной рамки, как это делается в новом словаре Ю.Д. Апресяна, названном "Интегральным словарем" (см. в [16–18]), и в других современных работах в области семантики и лексикографии, ориентирована в том же атомистическом направлении – к отдельному слову, к все более доказательному вычленению данного слова или данного его значения из множества¹.

Пополнение и уточнение дифференциальных признаков слова, совершенствование наших представлений о значениях слов и способах упорядочить, систематизировать эти представления – важнейшая и необходимая компонента лингвистического знания, и трудам многих поколений лексикографов этим знанием мы обязаны.

Вместе с тем возможно предположить иную ориентацию лексикографических интересов. Ведь слово живет не в сообществе лексем. В системе мы находим ему место, извлекая его из живой речи, из текста. Только в речи реализует оно все свои смысловые и грамматические потенции. В самом этом утверждении еще нет нового. Но нельзя не признать, что "взаимодействие лексики и грамматики" в словарной практике осуществляется в односторонней грамматической поддержке лексикологических задач. Какова же отдача нашего знания о множестве слов, толкованных в словарях, грамматике? И какой отдачи можно ждать для грамматики, если, конечно, понимать под грамматикой не то, что втиснуто в школьные рамки, а наше знание о функционирующей в коммуникативном процессе языковой системе?

Современные грамматические представления уже позволяют увидеть: как в зерне запрограммирован его генетический код, его прошлая, доамбарная, и будущая, полевая жизнь, так и в слове хранится память о дословарной жизни и программа его речевых реализаций, реализаций его свойств, индивидуальных, единственных и родовых, типовых, обобщенных на разных ступенях абстракции, избираемых и управляемых грамматикой – в разных коммуникативных целях. Реализация этого взаимодействия слова и грамматики завершается в тексте, или точнее, текстом. Если текстом считать любой коммуникативно значимый продукт речевой деятельности, будь то спонтанный бытовой диалог или многотомный труд писателя, ученого, текст все убедительнее предъявляет свои права на признание главным лингвистическим объектом, тем целым, в котором и которому служат как части, как элементы языковые единицы всех уровней.

Вопрос, очевидно, в том, какую словарную информацию способна обобщить грамматика и как организовать ту грамматическую сеть, которая может уловить функционально значимую информацию, как фиксируемую словарями, но не обобщенную, так и скрытую в словах, но пока не востребованную.

Кроме собственно словарей, постановка этого вопроса и поиска ответа на него подготовлены множеством идей и наблюдений отечественных и зарубежных линг-

¹ Именно этот подход закреплен и в энциклопедической формулировке: "Возможность сочетания слова с другими словами теснейшим образом связана с его значением. Для многозначных слов именно сочетаемость и определяет то, что слово выступает в том или другом значении" [19].

вистов. Поворот к семантике, интерес к речевой ситуации, обращение к роли говорящей личности, в развитие Виноградовского "образа автора", Бахтинской "точки зрения", внимание к композиционно-синтаксической структуре и типологии текста делают все очевиднее, что проблематика текста заключается не только и не столько в технике связности, сколько в средствах и способах выражения содержания, коммуникативного замысла, ради чего и существует сам язык.

В.В. Виноградов, еще в работе «О стиле "Пиковой дамы"» [20], показал, что глагол, будучи "центром грамматической системы", основным манифестантом предикативности, является и композиционно-синтаксическим стержнем текста, средством его организации и членения.

Интенсивные исследования последующих десятилетий в области глагола – его лексических значений, семантики, грамматических категорий, особенно видо-временных, его роли в структуре текста – убеждали во взаимной обусловленности семантического типа глагола, его грамматических свойств и его речевых функций. В этом общем тезисе – и результат работы многих ученых и коллективов, но также и плацдарм для дальнейшего продвижения в разных направлениях, с разными практическими и теоретическими целями.

Одно из возможных направлений разрабатывается в Институте русского языка РАН в проекте "Функционального словаря русских глаголов".

Представление системы синтаксических единиц в "Синтаксическом словаре русского языка" [11], с одной стороны, и выявление коммуникативных регистров речи – с другой, свидетельствуют, что не показанная словарями или недостаточно систематизированная информация, заключенная в глагольном слове, которой определяется функционирование глагола в предложении и в тексте, может быть организована лексикографическим способом. Возникает потребность в словаре нового типа, задача которого – в словарных параметрах охарактеризовать систему русских глаголов так, чтобы их категориально-семантические и грамматические свойства были ориентированы на раскрытие их коммуникативных потенций, реализуемых в определенных регистрах речи.

Попытаемся в примерах увидеть эту заложенную в слове программу его речевого функционирования, или его функциональную парадигму. Сопоставим значения глагола *говорить* в таких предложениях, как (1) *Она говорит с ним о сыне* и (2) *Реакция зрителей говорит о понимании режиссерского замысла*.

Категориальной семантикой глагола определяется и типовое значение предложений (1) и (2), и их компонентный состав. Сближает оба предиката сема "выражения информации". Далее по всем ступенькам анализа можно наблюдать различия.

В (1) семантика речевого действия предопределяет предикативную связь глагола с именем личного субъекта и необязательное, но отвечающее смысловым потребностям распространение компонентами со значением адресата (*кому, с кем, перед кем*), делиберата (*что* – для ограниченного круга имен, *о чем, про что, насчет чего, по поводу чего* и др., а также в виде придаточного с союзом *что* или прямой речи), оценки-характеристики речи, реже – технического средства (*по телефону, по радио, в статье, в книге* и т.п.):

И кот ученый Свои мне сказки говорил (Пушкин); *И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит: – Так и так...* (Лесков); *– Говорили вы с ним об этом, Иван Платоныч?* (Гаршин); *Вот она заговорила. Улыбнулась* (З. Гиппиус); *Но только не надо Со мной о любви говорить* (Ахматова); *Вы говорите про Ливан... Да что уж тот Ливан, ей-Богу!* (Окуджава).

Во (2) глагол – неакциональный, не обозначает речевого действия, но символизирует логическое отношение типа умозаключения между двумя фактами, событиями, пропозициями: наличие одного явления позволяет судить о наличии другого. Такие глаголы были названы компликативами или пропозитивными связками. Если в конструкции (1) называются и лицо-отправитель информации, и лицо-получатель информации, то в конструкции (2), полипредикативной, лицо, извлекающее инфор-

мацию из сопоставленных явлений, не именуется, позиции личного имени в предложении нет. Оба компонента выражены отвлеченными именами, пропозитивно, реже конкретными, но с пропозитивным прочтением:

Его туалет говорил о непринужденности вкусов (Боборыкин); *Обветренное и загорелое лицо его и заскорузлые руки говорили о том, каким тяжелым трудом он добывал себе средства к жизни* (Арсеньев); *Тишина и мягкий свет говорили о жизни устойчивой и разумной* (Паустовский).

Утрата глагольным словом акциональности влечет за собой обеднение и грамматических возможностей. Отсутствие видовой коррелятивности у *говорить* (2) словари отмечают [21–25]. Не отмечено отсутствие форм 1 и 2 л., неупотребительность императива, деепричастия, возвратной формы, практически и инфинитива.

Богатый инвентарь суффиксально-префиксальных средств, обогащающих и модифицирующих значение *говорить* (1) (*заговорить, поговорить, переговорить, переговариваться, договариваться, заговориться, поговаривать, уговорить, наговорить, наговориться* и т.д.) не существует для *говорить* (2), так же как и субстантивные отглагольные образования, относящиеся к разным оттенкам и употреблениям *говорить* (1), но не *говорить* (2) (*говор, говорение, говорильня, говорун*).

Синтаксические различия между *говорить* (1) и *говорить* (2) показаны выше в наборе компонентов организуемых ими конструкций. Обратим внимание и на то, что *говорить* (1) может быть полноценным предикатом и без распространяющих компонентов (*Она заговорила; Он говорит, а я не слушаю и думаю о своем*), тогда как конструкция (2) без второго именного компонента разрушается. Это свидетельствует об ином соотношении лексических и грамматических факторов в каждой из конструкций. То же подтверждается и различиями в синонимических связях того и другого глагола.

Говорить (1) вступает в синонимический ряд с глаголами речевого действия (ср. *беседовать, общаться, сообщать, произносить, проговорить, промолвить, изречь...*) *Говорить* (2) уходит из ряда речевых действий и оказывается в синонимическом ряду с глаголами *показывать, демонстрировать, обнаруживать, означать, выявлять, свидетельствовать*. Более того, полипредикативное предложение с *говорить* (2) значительно податливее к собственно конструктивным перестройкам, ср., например: *По его костюму можно было судить о непринужденности вкусов; Непринужденность вкусов демонстрировал и его костюм* и т.д.

Синтаксические различия ведут далее в текст. Располагая полной функциональной парадигмой, глагол *говорить* (1) может представлять речевое действие и в актуальном значении, в его конкретной длительности и наблюдаемости (*Кто там в малиновом берете С посылкой испанским говорит?* – репродуктивный регистр речи), и в узуальном, повторяющемся (*Кот ученый свои мне сказки говорил* – информативный регистр речи), и в обобщенном, вневременном (*Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит* – генеративный регистр речи). Абсолютное употребление *говорить* (1) с модальным оттенком умения, способности (*Ребенок уже говорит; По-английски она читает, но не говорит*) замкнуто рамками информативного регистра в его описательно-характеризующей разновидности.

Глагол *говорить* (2), с его неакциональной семантикой, морфологическими и функциональными ограничениями, реализует свое значение только в полипредикативной конструкции, представляющей информативный регистр.

Основные словари, варьируя Ушаковскую разработку, помещают случай (2) на 5-е место в ряду неравновесных значений, выделяемых у глагола *говорить*. Мера сходств и различий позволяет предложить иную группировку.

Первые четыре пункта словарных статей (в 4-томном, с более четкой дифференциацией, – три пункта) представляют по существу одно значение – речевого действия лица. Вряд ли достаточно оснований разносить по разным значениям примеры

Говорить об успехах товарищей и *Говорить о новых открытиях* (2-е и 3-е значения в Словаре Ожегова-Шведовой). Кстати, заимствовав ушаковскую формулировку 3-го значения, Словарь Ожегова упустил ту конструкцию, к которой она относится: *Высказывать мнение, суждение о ком-чем-н.* – в Словаре Ушакова это значение выделено было не для обозначения просто делиберата, была замечена особая, авторизирующе-кваликативная конструкция: *О нем говорят как о подающем надежды писателе, "скрепом" которой служит формула говорить о ком-чем как о ком-чем, включающая ее в ряд синонимичных авторизованных построений, соединяющих модель мнения, оценочного суждения с моделью кваликативной: Говорят, что он способный писатель; Считается, что он способный писатель; Он считается способным писателем; Его считают способным писателем; По мнению многих, он способный писатель; Многие находят его способным писателем и т.д.*

Не оценив связи формулировки и ее иллюстрации, Словарь Ожегова потерял из виду эту конструкцию для себя и для других словарей, а вместе с тем утратил четкость оснований деления общего пространства глагола *говорить*.

Конструкция с формулой *говорить о... как о...* всплывает лишь в материалах к Интегральному словарю [16] (словарная статья "Говорить" Анны Зализняк), где находят место и пример "*Мне о вас говорили как о порядочном человеке*" (Войнович) с толкованием "сообщать", и пример "*Ненависть к инакомыслию говорит о том, что инакомыслие существует*" (Аксенов) с толкованием "означать". Но качественное различие между значениями глагола *говорить*, обусловленное степенью синтаксической сложности организуемых ими конструкций и предназначенностью их к определенным коммуникативным типам речи, – эта сторона дела остается за рамками лексикографических интересов словарников.

Надо признать, что конструкция *говорить о... как о...* (обозначим ее *говорить* (3)) не облегчает классификационные решения. Четкое противопоставление *говорить* (1) и *говорить* (2) как акционального и неакционального глаголов не поддерживается случаем *говорить* (3), поскольку в последнем глаголе на значение речевого действия накладывается авторизирующая, компликативная функция. Дело становится яснее, если обратиться к таким коммуникативным категориям, как модус и диктум. С этой точки зрения, *говорить* (1) – диктальный глагол, *говорить* (2) – модусный, а *говорить* (3) объединяет в себе диктальное и модусное значения. Это последнее перевешивает, не оставляя возможности глаголу *говорить* (3) участвовать в текстах репродуктивного регистра. Семантика глагола, его синтаксические функции и коммуникативные возможности оказываются в неразрывном взаимодействии. Видеть и принимать в расчет это взаимодействие – значит получить новые важные импульсы к идентификации, исчислению и систематизации лексических значений. Вместе с тем это стимулы к постижению новых закономерностей грамматической организации речи. Ведь за рассмотренными особенностями семантики и грамматики глагола *говорить* – целый ряд аналогичных соотношений, когда на базе конкретного акционального глагола развиваются отвлеченные, компликативные значения с ущербной парадигмой и ограниченными коммуникативными возможностями. Ср., например:

Художник показывает свои новые картины	– Выставка показывает возросшее мастерство художника
Лаборант демонстрирует опыт	– Полученные результаты демонстрируют новые свойства материала
Оппонент подтвердил свое мнение	– Успех защиты подтвердил правоту диссертанта
Коллеги объясняются после дискуссии	– Появление трещин объясняется недоброкачественной сваркой

и т.д.

В качестве другого примера сопоставим два значения глагола *выходить*: *Люди выходят на площадь* (1); *Окна выходят на площадь* (2).

(1) *Из шатра, толпой любимцев окруженный, Выходит Петр* (Пушкин); *Выхожу один я на дорогу* (Лермонтов); *Ранними летними росами Выйдем мы в поле гулять* (Блок);

(2) *При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле за город* (Тургенев); *Окно выходило прямо в сад* (А. Платонов); *Мой дом стоит в лесу. Мой лес в окно глядится. Окно выходит в лес* (Окуджава).

В словаре Ушакова второе значение выделено как одно из 13 значений глагола *выходить* (с пометой *сов. нет*). В Словаре Ожегова второе значение не отмечено (поскольку *выходить* отослано к *выйти*, а у *выйти* этого значения нет). В 4-х томном Словаре, кроме (1), соотносительного со значениями *сов. выйти*, дано (2): *Быть обращенным куда-л., в какую-л. сторону*. Словарь Ожегова-Шведовой повторяет структуру этой статьи, добавляя ко (2) значению ограничения по лицу (*1 и 2 л. не употр.*) и указывая семантический круг субъектов: о строении, его частях, об участке местности.

Здесь, как и в предыдущем примере, с точки зрения категориально-грамматической и коммуникативно-функциональной, существенна противопоставленность акционального глагола в (1) и неакционального во (2).

Выходить (1) представляет глаголы движения, перемещения в пространстве. Действие это совершается живыми существами, поэтому первый компонент модели предложения с подобным глаголом – обычно имя субъекта одушевленного (в любом из трех лиц). На основе своего рода метонимии или скрытой каузации принято это действие приписывать и некоторым техническим средствам передвижения (*машина, поезд, пароход выходит, но не самолет, велосипед*). По смысловой потребности глагол перемещения сопровождается компонентами со значением пространственных ориентиров (начальной и/или конечной точки, пути движения), возможен целевой компонент.

Выходить (2) представляет глаголы, выражающие локативные отношения между предметами, применительно к достаточно узкому кругу предметов, пространственно ориентированных, имена которых и выступают в роли субъекта предложения. Имя предметного ориентира в винительном или дательном падеже с предлогами (*на улицу, в сад, к морю, под арку*) составляет предикат вместе с лексически ослабленным глаголом *выходить* (2): сам глагол информативно недостаточен, а именная синтаксема-директив без этого глагола может служить предикатом: *Дом – в тихом месте, окна – в сад; В лакейской... еще прохладно, ...окно ее на север* (Бунин). Компоненты со значением отправной точки и целевым невозможны. Отсутствует видовая пара, неупотребительны 1 и 2 л субъекта, императив, деепричастие.

Словообразовательная коррелятивность *выходить* (1) с другими префиксальными глаголами движения (*Люди выходят..., проходят, заходят, приходят, уходят* и др.) чужда глаголу *выходить* (2), одинокому в словообразовательном пространстве, так же как и возможность номинализации (*выход людей на площадь, но не *выход окон в сад*).

Неакциональность значения, неполнота грамматической парадигмы, словообразовательные ограничения порождают и ограничения в функциональной парадигме глагола. В отличие от *выходить* (1), способного участвовать во всех коммуникативных регистрах речи, *выходить* (2) организует предложения, участвующие лишь в описательно-характеризующем тексте, репродуктивном, если картина предстоит взору наблюдателя, информативном – вне хронотопа наблюдателя.

Как и в первом примере, регулярность наблюдаемых соотношений подтверждается

аналогиями в парах полисемичных глаголов:

<i>Туристы пересекают площадь</i>	–	<i>Рельсы пересекают площадь</i>
<i>Солдаты окружают деревню</i>	–	<i>Деревню окружают леса</i>
<i>Стадо спускается к реке</i>	–	<i>Сад спускается к реке</i>
<i>Пастух ведет коров к реке</i>	–	<i>Дорога ведет к реке</i>

и т.д.

Глагол-предикат последнего предложения в комплексе своих значений представляет разные категориальные разряды, различающиеся и возможностями своей коммуникативной реализации, ср.:

(1) *Пастух **ведет** коров к реке* – глагол акциональный (каузация перемещения), с полной грамматической и функциональной парадигмой;

(2) *Дорога **ведет** к реке* – глагол неакциональный, выражает локативные отношения, парадигма ограниченная, модель предназначена для информативно-описательного регистра;

(3) *Учитель **ведет** опрос учеников* – неакциональный вспомогательный глагол, компенсатор при девербативе, парадигма ограниченная, информативный регистр;

(4) *К беде **неопытность** **ведет*** – неакциональный глагол-компликатор, выражающий каузативные отношения между двумя пропозициями, парадигма ограниченная, генеративный регистр.

Еще на одном примере поднимемся по ступенькам от мельчайших элементов смысла слова к его речевому функционированию. В.В. Виноградов, отмечая несвойственность глагольным суффиксам многозначности, пишет: "Лишь суффиксы *-и(ть)* и *-е(ть)*, с помощью которых производятся глаголы от имен прилагательных, выражают грамматическое противопоставление двух разрядов: *дел а т ь к а к и м (темнить)* и *дел а т ь с я к а к и м (темнеть)*". Там же иллюстрация из Достоевского: "И позвольте вас спросить, почему вы давеча *остолбенели* на месте: что во мне такого *остолбеняющего*?" [1, с. 54].

Итак, два соотносительных смысловоразличительных форманта слова образуют от одних и тех же адъективных основ два семантико-грамматических разряда глаголов:

(1) *темнеть, светлеть, чернеть, белеть, синеть, зеленеть, толстеть, стройнеть, бледнеть* и др.

(2) *темнить, светлить, чернить, белить, синить, зеленить, толстить, стройнить, бледнить* и т.д.

Глаголы первого разряда непереходные, неакциональные, они не называют собственно действия, но обозначают а) зримое изменение признака предмета (неодушевленного или одушевленного), а также среды, пространства, либо б) зрительно воспринимаемый наблюдателем признак предмета, названный в адъективной основе; см. примеры:

1а) *Светлеют небеса* (А.К. Толстой); *Уже **темнело** и на небе показывались там и сям звезды* (Чехов); *Над равниной **побелело*** (Блок); *Почернел, искривился бревенчатый мост* (Ахматова); *Между тем на улице **потемнело**, стало накрапывать* (Пастернак).

1б) *Белеет парус одинокий В тумане моря голубом* (Лермонтов); *Так, руки заложив в карманы, Стою. **Синеет** водный путь* (М. Цветаева); *Казалось – сейчас **Забелеет** прозрачный подснежник* (Ахматова); *Над рекой, где **чернеет** камыш, Ты летишь над обрывами* (Заболоцкий).

Глаголы второго разряда переходные, каузативные, обозначают воздействие лица, явления, предмета (его наличия, присутствия) на объект, каузирующее в нем возникновение или изменение признака, обычно визуального характера:

*Забыла волосы **чернить** И через три дни поседела* (Грибоедов); *Посередине столовой стояли деревянные козлы, и два мужика. **столя** на них, **белили** стены* (Гоголь); *В эти*

же дни в домах чернили парадные сапоги, б е л и л и ретузы... (Лесков); *И солнце Золотило кудри* (Блок); *Драпировка. . . еще'больше темнит кабинет* (Куприн); *Не сможешь затемнить* – мне вспыхнувшего – дня (Бальмонт).

В современной разговорной речи глагол *темнить* употребляется еще и в качестве оценочно-квалифицирующего коммуникативное поведение говорящего как уклончивость, нежелание или невозможность быть искренним, ср.:

– Я еще не знаю. – Ты что-то *т е м н и ш ь*, сестренка (В. Конецкий); *Почему комбинат т е м н и л и* не признавался в том, что бумага отгружена, выяснилось при раскредитовке вагона ("Книжн. обозрение", дек. 1993 г.)

Все эти глаголы объединены семантикой зрительно воспринимаемого признака (к нему же восходит и последний случай переносного употребления *темнить*) и, следовательно, косвенным указанием на присутствие перцептора-говорящего. В литературе отмечалось, что глаголы и глагольные конструкции со значением сенсорного восприятия по своему семиологическому характеру заключают в себе наряду с предметно-понятийной отнесенностью элементы лично-пространственного дейксиса. Позиция же перцептора по отношению к наблюдаемому процессу сигнализирует принадлежность текстового фрагмента к разным коммуникативным регистрам речи.

Предложения с глаголами первого разряда, на *-е(ть)*, демонстрируют преимущественно репродуктивный (изобразительный) регистр, характеризующийся "присутствием" перцептора в хронотопе происходящего. Время глаголов – чаще настоящее актуальное либо перфектно-результативное, обращенное к моменту наблюдения. Глаголы в прошедшем и – реже – в будущем времени сигнализируют разрыв с моментом речи, но сохраняют одновременность процесса и его восприятия, как бы передвигая позицию наблюдателя в соответствующий актуальный для него нарративный план.

Если речь идет о признаке итеративном, узуальном, кумулятивно-качественном, сам хронотоп признака перестает быть единым и обозримым, перцептор как бы поднимается над ним и обобщает многократный опыт наблюдения или знания. Ср.: *Память о солнце в сердце слабеет* (Ахматова); *Масляные краски с годами темнеют* (Даль); *Надо мной чтоб, вечно зеленая, Темный дуб склонялся и шумел* (Лермонтов); *Темнело по вечерам только к полуночи* (Бунин).

Дистанцированность перцептора от конкретного, актуального явления, переход с уровня сенсорного восприятия на уровень знания, логического осмысления – показатели иного коммуникативного регистра, информативного.

Не обозначая действия, глаголы на *-е(ть)* функционируют в предложениях, характеризующих признаки, свойства, состояния, а потому участвующих не в повествовательных, а в описательных, фоновых фрагментах текста, и в репродуктивно-описательной, и в информативно-описательной разновидностях коммуникативных регистров.

В качестве предикатов рассматриваемые глаголы на *-е(ть)* организуют монопредикативные двукомпонентные модели. Поскольку носителем признака изменения цвета часто оказывается окружающая наблюдателя среда, пространство, атмосфера, носитель признака, или субъектный компонент предложения, обозначается именем пространственной семантики в номинативе или в локативных формах (*Над равниной п о б е л е л о*; *Небеса светлют*; *В небесах светлеет*; *За окном, на дворе, в комнате темнеет*). Неназванность субъектного компонента (*Темнеет.*), в условиях его очевидности, избыточности, создающая при неразличении языка и речи иллюзию односоставности предложения, значима и синтаксически (потому что в речемыслительном акте не может быть признака, приписываемого ничему), и коммуникативно (потому что неназванность эта возможна только по отношению к хронотопу наблюдателя, следовательно, способствует дифференциации коммуникативных регистров).

Разряд глаголов на *-и(ть)*, с каузативной семантикой, создает более сложную конструкцию, по сути полипредикативную, поскольку в ней участвуют компоненты со

значением субъекта-каузатора (активного, произвольного или непроизвольного) и объекта воздействия, который вместе с тем является субъектом-носителем каузируемого свойства, а сам глагол-предикат заключает в себе значение и процесса воздействия, и признака, присваиваемого предмету ("делать предмет каким"), при этом *делать* имеет разное наполнение: это может быть и имя конкретного, наблюдаемого физического действия (*чернить волосы, белить стены, полотно*), но может быть и опустошенное, вспомогательное слово.

Какова же позиция наблюдателя в условиях взаимодействия двух ситуаций? Визуальный характер каузируемого признака предполагает взгляд перцептора, он может наблюдать и процесс воздействия, в том случае если это конкретная акция личного субъекта, но существенно то, что прямое наблюдение возникающего признака неотделимо здесь от знания его источника, от понимания причинно-следственной связи явлений. Осмысление и выражение говорящим каузативных, причинно-следственных (как и других логических) отношений – показатель информативного регистра в его повествовательной разновидности – при предикатах действия, и в описательной разновидности – при предикатах-характеристиках. Фрагменты информативного регистра организуются и квалификативно-оценочным предикатом типа разговорного *темнить* в вышеприведенных примерах.

Обратим внимание еще на одну грамматическую деталь. В моделированной формуле В.В. Виноградова различие между каузативным (*темнить*) и некаузативным (*темнеть*) значениями записано как *делать каким* и *делаться каким*. Делаться в этом случае выступает в фазисном, инхоативном значении (=становиться каким, начинать быть каким). Но эта формула соотносима только с группой 1а (*Светлеют небеса* =делаются, становятся светлыми или более светлыми; *Темнело* =становилось темно или темнее). С группой 1б она не соотносится (*Белеет парус* – не: *делается, становится белым*). Вместе с тем сами глаголы группы 1а не соединяются с формантом -ся: глаголы непереходные и неакциональные, а изменение качества или состояния замкнуто в сфере субъекта-его носителя.

Глаголы же группы 1б почти все располагают парными вариантами *белеть-белеться, чернеть-чернеться, синеть-синеться* и т.п., почти совпадающими по смыслу: *Равнины белеют под снегом, Чернеется лес впереди* (Некрасов). Замкнутый в носителе, лишенный внутренней динамики, этот признак существует лишь постольку, поскольку он воспринимается наблюдателем, формант -ся здесь избыточен, и потому возвратный глагол в паре менее продуктивен, но признак выявляет себя, обнаруживает себя и усиливается реализоваться этой обращенностью вовне, к иной субъектной сфере.

Оппозиции переходность/непереходность, акциональность/неакциональность обуславливают для каждой из групп глаголов возможность/невозможность страдательных форм, глагольных и причастных. Визуальная наблюдаемость признака исключает или делает редким употребление глагола в 1 л. Ср. в стихотворении Блока, где лирический герой воображает себя кленом:

Зеленею, таинственный клен,

Неизменно склоненный к тебе

Анализ рассмотренных групп глаголов позволяет убедиться в том, что категориальная семантика глагола (разных ступеней обобщения), заложенная еще в его морфемном составе, предопределяет и ряд морфологических особенностей глагольного слова, и его синтаксические возможности в рамках предложения, и его функциональную парадигму, потенции в отношении коммуникативных регистров речи, организующих композицию текста. Оппозиция акциональность/неакциональность занимает ключевое положение среди функциональных категорий глагола.

Оптимальная структура словарной статьи еще не выработана, но очевидно, что намечаются четыре аспекта характеристики в "Словаре" глагольных лексем:

1. Категориально-семантическая дифференциация глаголов, задающая их роли в определенных моделях предложения и набор их грамматических форм.

2. Семантико-синтаксическая характеристика глаголов. Система синтаксем, описанная в Синтаксическом словаре [11] позволяет исчислить семный состав глаголов, предопределяющий их обязательные и факультативные связи с именными формами и, следовательно, компонентный состав организуемых ими предложений.

3. Коммуникативно-регистровые характеристики выявляют предназначенность глаголов и их моделей предложения к употреблению в определенных коммуникативных типах речи (или коммуникативно-типологические ограничения).

4. Субъективно-оценочные и стилистические характеристики регулируют функционирование глаголов в плане экспрессии, коммуникативной целесообразности, прагматики и стилевой маркированности.

Словарь будет научно-справочным изданием для широкого круга пользующихся языком и изучающих язык. Вместе с тем он представит новое семантико-грамматическое исследование русского языка.

Теоретическое значение Словаря можно видеть в том, что в нем 1) реализуется недостающий в лексикографии тип словаря, с новым способом лексикографической параметризации слова и 2) в грамматико-семантической структуре глаголов выявляются новые закономерные взаимодействия разных уровней языка и речи от лексики до текста.

Словарь должен показать, что лексическая система языка не замкнута в лексике, она определяется причинно-следственными связями с морфологией, синтаксисом и коммуникативно-речевыми свойствами категорий, разрядов, групп, к которым принадлежат лексические единицы. Словарь впервые не просто констатирует и описывает факты языка, но ставит вопрос и предлагает решения о причинных связях в языковой системе и ее функционировании.

Системность и функциональность как имманентные свойства языка или как принципы его изучения выступают не в качестве альтернативы, а в глубоком, необходимом друг другу и исследователю взаимодействии, подчиненном высшему принципу – коммуникативному назначению языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
2. Виноградов В.В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // ВЯ. 1956. № 5.
3. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
4. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
5. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
6. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
7. Семантические типы предикатов. М., 1982.
8. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
9. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
10. Золотова Г.А. О перспективах синтаксических исследований // ИАН СЛЯ. 1986. № 6.
11. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса, М., 1988.
12. Арутюнова Д.Н. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
13. Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. М., 1988.
14. Теория функциональной грамматики. Л., 1987. 1990, 1991, 1992.
15. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
16. Апресян Ю.Д. Интегральный словарь // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.

17. Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. М., 1988.
18. Апресян Ю.Д. Словарная фиксация синтаксических свойств лексем: взаимодействие словаря и грамматики // Wiener Slawistischer Almanach, Bd 25–26. Wien. 1990.
19. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 127. Ст. Лексикология.
20. Виноградов В.В. О стиле "Пиковой дамы" // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2.
21. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Ушакова Д.Н. М., 1935–1940.
22. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 22-е издание. М., 1990.
23. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.
24. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Евгеньевой А.П. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
25. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.; Л., 1948–1965.